

УДК 811.161.1'373.215(470.11) +
+ 811.511.1'373.215(470.11)

Н. В. Кабинина
Уральский федеральный университет
(Екатеринбург)
nadia.nvlad2010@yandex.ru

НАРОДНАЯ ТОПОНИМИЧЕСКАЯ ГЕОМЕТРИЯ (НА МАТЕРИАЛЕ НАЗВАНИЙ ОЗЕР АРХАНГЕЛЬСКОЙ ОБЛАСТИ)

В статье на материале топонимии Архангельской области рассматриваются исконно русские и субстратные (финно-угорские) лимнонимы, характеризующие озерные водоемы по признаку формы. В соответствующем корпусе русских и субстратных лимнонимов региона выявляются основные семантические подтипы, детально описываются способы и средства их языковой репрезентации. Особое внимание уделяется анализу отношений в рамках семантических микросистем лимнонимов, что позволяет верифицировать уже имеющиеся этимологии субстратных названий и предлагать этимологические решения для ряда топооснов, пока не получивших объяснения. В авторской аргументации этимологий лимнонимов широко используются данные топографических карт, дающие возможность соотнести собственно лингвистические гипотезы с реальными физико-географическими характеристиками объектов. Разносторонний лингвистический анализ материала завершается рядом выводов, тесно связанных с перспективами исследования субстратной топонимии Европейского Севера России. В выводах подробно обсуждаются историческая роль лимнонимии в организации топонимического пространства, специфика языкового видения озер русским и финно-угорскими народами, сходства и различия русской и финно-угорской образной лимнонимии, особенности происходивших в прошлом процессов калькирования озерных наименований. Здесь же представлен ряд выявленных автором новых этнодифференцирующих

саамских и прибалтийско-финских топооснов; приводятся наблюдения, связанные с дискуссионными проблемами этимологизации названий крупнейших озер Русского Севера — *Кенозеро, Лача и Воже*.

К л ю ч е в ы е с л о в а: русский язык, финно-угорские языки, топонимия, топонимический субстрат, лимнонимия, мотивология, семантическая реконструкция, семантическая микросистема, калькирование, языковые контакты, Русский Север.

Озера, безусловно, один из самых интересных для исследователя объектов топонимической номинации. В их названиях, с одной стороны, ярко проявляются универсальные семантические черты, а с другой стороны — этнические и региональные особенности. Неудивительно поэтому, что озерным наименованиям посвящен целый ряд специальных исследований, в которых рассматриваются семантическая типология лимнонимов, свойственные озерной гидронимии закономерности номинации, отношения внутри семантических микросистем¹ лимнонимов, их этимологические истоки, возможности использования лимнонимии в этноисторических реконструкциях [Фомин, 1985; Овчар, 1991; Кузнецов, 2010; Макарова, 2012а, 2012б; и др.].

Почти все эти вопросы так или иначе затрагиваются и в данной статье, где из большого множества озерных семантических типов для анализа избран один: лимнонимы, характеризующие форму озера. Наша задача — на материале архангельской лимнонимии выявить русские и финно-угорские средства выражения признака формы, верифицировать имеющиеся топонимические этимологии и предложить новые, представить на этой основе некоторые наблюдения, касающиеся этноязыковых традиций именования озер. Соответственно, исследование выполнено в основном на материале лимнонимии Архангельской области, хотя в некоторых показательных — «типологических» — случаях привлекаются также русские и финно-угорские озерные гидронимы соседних родственных территорий — Карелии, Кольского полуострова, Вологодской области. В качестве источников материала использовались топографические карты масштаба 1 : 200 000 и полевые записи Топонимической экспедиции УрФУ.

Основная часть статьи включает три раздела. В первом разделе рассматриваются исконно русские лимнонимы, во втором — субстратные лимнонимы финно-угорского происхождения; в третьем разделе подводятся итоги анализа и предлагается обсуждение вопросов, значимых для этимологической, семантико-мотивационной и ареальной интерпретации топонимии Русского Севера.

¹ Семантические микросистемы топонимов представляют собой пары или ряды названий, которые объединены разными типами отношений лексической системности; при этом смысловой связи топонимов соответствует пространственная смежность или соотношенность географических реалий [см.: Березович, 1992].

1. Исконно русская лимнонимия

В исконно русской лимнонимии Архангельской области номинация по признаку формы в абсолютном большинстве случаев характеризует вытянутое озеро (более 100 названий), озеро округлой формы (более 70 названий) и озеро искривленной формы (более 100 названий).

1.1. В именовании вытянутых озер обычно используется лексема *долгий*, в единичных примерах — *длинный*, *тонкий*, *узкий*.

Более чем в трети случаев названия типа *Долгое Озеро* образуют семантические микросистемы², лидирующее место среди которых занимает оппозиция *Долгое* — *Круглое* (15 примеров с достаточно широкой географией: Прим₃, В-Т₂, Онеж₂, Пин₂, Шенк₂, Лен₁, Леш₁, Плес₁, Холм₁)³. Этот тип микросистем, являющийся, по-видимому, топонимической универсалией высокого порядка, давно выявлен и хорошо описан исследователями [см., например: Березович, 1992, 187; Муллонен, 2012; Макарова, 2012б, 366–367]. В то же время в работах по топонимии Русского Севера пока остались незамеченными озерные микросистемы типа *Долгое* — *Кривое* (11 примеров: Холм₄, Плес₂, Прим₂, Онеж₁, Пин₁, Шенк₁) и *Долгое* — *Плоское* (11 примеров: Холм₅, Прим₃, Вин₂, Плес₁). Последний тип особенно интересен, поскольку при высокой продуктивности он имеет локальное распространение и в ареальном отношении отчасти противопоставлен типу *Долгое* — *Круглое*, что, возможно, связано с субстратным влиянием (о значении тополексем *плоский* см. ниже). Подобное субстратное влияние можно предполагать и в случае с апеллятивами *узкий* и *тонкий*: образованные от них топонимы при относительно низкой продуктивности также имеют ареальный характер (Онеж₃, Прим₃, Пин₂, Вин₁, Мез₁) и могут связываться, в частности, с влиянием прибалтийско-финских языков (ср.: в восточной Карелии, которая давно освоена русскими, только на границе с Архангельской областью четыре *Тонких Озера*; здесь эта модель, вероятно, развилась в результате калькирования карельских лимнонимов на *Хойк*- < фин., карел. *hoikka*, люд. *hoik(ke)*, вепс. *hoik* ‘тонкий, узкий’ [SSA, 1, 169]).

Кроме названных апеллятивов, признак вытянутой формы, по-видимому, метафорически отражают засвидетельствованные в картотеке Топонимической экспедиции УрФУ микролимнонимы *Кишка*, *Корытовец* («Озеро наподобие корыта»), *Труба*, *Шея*.

1.2. В исконно русских названиях озер округлой формы в Архангельской области наиболее частотны апеллятивы *плоский* и *круглый* (46 и 28 примеров соответственно). Как уже отмечалось исследователями, «круглое» в топонимии носит

² Во внимание приняты наиболее «очевидные» микросистемы: расстояние между объектами номинации не превышает двух километров.

³ Здесь и далее нижний индекс указывает на количество фиксаций лимнонимов в том или ином районе.

весьма условный характер, обозначая лишь до некоторой степени округлое, часто в противовес иной форме соседнего объекта. Действительно, в Архангельской области более чем две трети *Круглых* озер фиксируется в рамках микросистем *Круглое* — *Долгое* / *Длинное* / *Узкое* (16 примеров: Прим₄, Онеж₃, Пин₃, Шенк₂, В-Т₁, Лен₁, Леш₁, Плес₁) и *Круглое* — *Кривое* (4 примера: Плес₂, Прим₁, Холм₁). Общая географическая дистрибуция *Круглых* озер заметных особенностей не имеет: они встречаются повсеместно, однако их плотность ниже в тех районах, где широко употребляется тополекса *плоский*.

В отличие от *Круглых* озер, *Плоские* озера имеют в Архангельской области западную локализацию и ядерный ареал с центром в Плесецком районе (Плес₁₂, Холм₁₀, Прим₈, Онеж₅, Шенк₄, Вин₃); восточнее Северной Двины *Плоские* озера единичны (В-Т₂, Мез₁, Пин₁), крайне редок этот тип названий и в Вологодской области. В связи с этим важно отметить, что ареальность *Плоских* озер следует осмыслять не с физико-географических, а с историко-лингвистических позиций (к чему мы обратимся далее), поскольку природные условия для появления этого номинативного типа и в Архангельской области, и за ее пределами есть почти повсеместно.

Как можно судить по картам, *Плоские* озера обычно располагаются в местах понижения рельефа, на относительно ровных участках местности. В таких условиях береговая линия водоема естественным образом приобретает плавность, а общая форма озера приближается к округлой. Неудивительно, что в микросистемном отношении *Плоские* озера ведут себя так же, как *Круглые*: достаточно активно, в половине случаев, они образуют оппозиции *Плоское* — *Кривое* (12 примеров: Прим₃, Холм₃, Шенк₃, Плес₂, Онеж₁, Пин₁) и *Плоское* — *Долгое* (11 примеров: Холм₅, Прим₃, Вин₂, Плес₁).

В то же время абсолютного тождества между лексемами *круглый* и *плоский* в лимнонимии нет. *Плоский* — более «многомерная» и более синкретичная лексема, которая одновременно характеризует озеро в горизонтальном и вертикальном ракурсах, «схватывая» при этом не только округлость формы, но и особенности прилегающего к озеру ландшафта (равнинная местность, низкие пологие берега); более того, апеллатив *плоский* косвенно указывает и на небольшую глубину озера. Разумеется, в определенных случаях названные черты могут присутствовать и у *Круглых* озер, но для них отмеченные ландшафтные и гидрометрические признаки совершенно необязательны.

Кроме лексем *круглый* и *плоский*, признак округлой формы представлен в русской лимнонимии Архангельской области довольно широким рядом метафорических моделей — преимущественно из области «посуды», в которых наряду с формой отражаются и другие признаки озера: *Блюдец*, *Горшок*, *Котелок*, *Крынка*, *Сковорода*, *Чашка* и т. п. [о них см.: Рут, 1994, 463–540].

1.3. Признак и скривленной формы озера в исконно русской лимнонимии Архангельской области чаще всего передается с помощью апеллатива

кривой. В плане соотношения с реальной формой водоема эта тополема обладает весьма широкими возможностями: *Кривым* может быть названо как озеро с очень сложными очертаниями, так и озеро с довольно незначительным изгибом какого-либо участка берега. Наиболее типичные примеры формы русских *Кривых* озер Архангельской области представлены на рис. 1–4.

Рис. 1–4. Типичные русские *Кривые* озера Архангельской области

В сфере микросистемных связей русских *Кривых* озер лидирует бинарная оппозиция *Кривое* — *Плоское* (12 случаев: Прим₃, Холм₃, Шенк₃, Плес₂, Онеж₁, Пин₁; один из примеров см. на рис. 5), далее следуют *Кривое* — *Долгое* / *Тонкое* / *Узкое* (11 случаев: Холм₄, Плес₂, Прим₂, Онеж₁, Пин₁, Шенк₁) и *Кривое* — *Круглое* (4 случая: Плес₂, Прим₁, Холм₁). Кроме того, есть примеры трехчленных микросистем: *Кривое* — *Долгое* — *Круглое* (Онеж₂; см. рис. 6) и *Кривое* — *Плоское* — *Долгое* (Онеж₁).

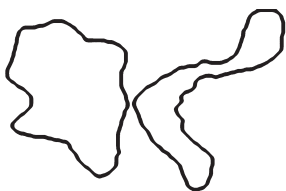

Рис. 5. Система *Кривое* — *Плоское*

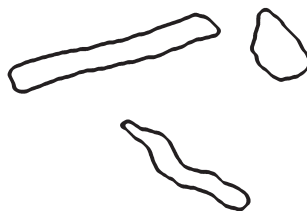

Рис. 6. Система *Кривое* — *Долгое* — *Круглое*

Разумеется, при всем этом тополема *кривой* не является единственным средством указания на искривленную форму озера: при всей частотности этой лексемы в именовании «кривых» озер прослеживаются и другие номинативные средства. В этих случаях названия создаются как бы «в обход» апеллиатива *кривой*, который мог бы быть применен, но не использовался, — например, потому, что в данной местности уже есть *Кривое* озеро. В подобных ситуациях новый лимноним, выполняя свою дифференцирующую функцию, становится более конкретным и передает некую разновидность «кривого».

Если проанализировать данные карт с целью выявления этих разновидностей, то чаще других номинативно выделяется Y-образное озеро — озеро, имеющее три «угла», три «конца» водного пространства.

В именовании таких озер обычно используется лексема *угол*: *Угловатое Озеро* (Холм₄; см. рис. 7), *Угльное Озеро* (Прим₁, Холм₁), *Треугольное Озеро* (Плес₂; см. рис. 8).

В остальных случаях озера данного типа именуются на образной основе с использованием апеллятивов *вилы*, *гачи*, *клин*, *копыто*, *портки*, *рассоха*, *туфля*, *хомут*: *Виловатое*, *Великое Гачное*, *Гачи*, *Клиноватое*, *Конинное Копыто*, *Копытце* (ср. *Копытозеро* на Кольском полуострове), *Портки*, *Порточное* («Наподобие штанов оно, вот и прозвали так» — ср. *Штанозеро* на Кольском полуострове), *Рассошное*, *Туфля*, *Хомутинка* — некоторые примеры см. на рис. 9–12.

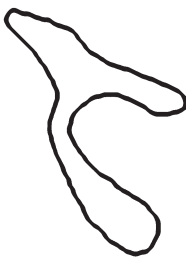

Рис. 7.
Оз. Угловатое

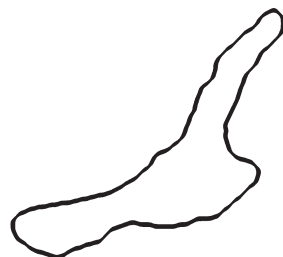

Рис. 8. Оз. Треугольное

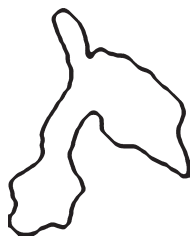

Рис. 9. Оз.
Великое Гачное

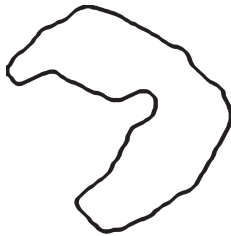

Рис. 10.
Оз. Копытозеро
(Кольский п-ов)

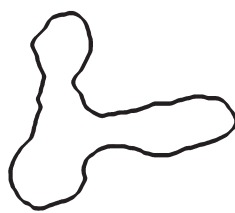

Рис. 11.
Оз. Рассошное

Рис. 12.
Оз. Виловатое

В нескольких примерах в топонимии Архангельской области номинативно выделяется 8-образное озеро, т. е. озеро «с пережимом», «переузьем», узким участком водного пространства. Эту группу представляют озера с названиями *Перейма* и *Переестное* (Вин₂; см. рис. 13); *Пережимное* (Онеж₂; см. рис. 14), *Перешеечное* (Шенк₁), *Салмистое* (Прим₂) < арх. *салма* ‘пролив, протока’ [КСГРС]; в одном примере озеро данного типа носит название *Узкое* (Прим₁) и в одном примере — *Головастое* (Вин₁; см. рис. 15).

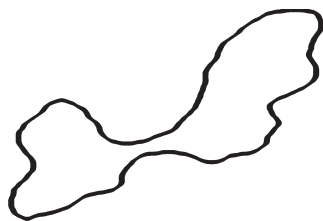

Рис. 13. Оз. Переестное

Рис. 14. Оз. Пережимное

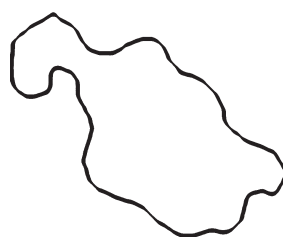

Рис. 15. Оз. Головастое

Названия как Y-образных, так и 8-образных озер могут входить в микросистемы, ср. *Кривое* — *Треугольное* (Плес₁), *Кривое* — *Переестное* (Вин₁), *Перешеечное* — *Долгое* (Шенк₁) и др.

«Кривые» озера, обозначающие другие разновидности формы, номинативно обособляются лишь в единичных случаях. К ним относятся оз. *Заворотное* (Холм₁; рис. 16), оз. *Коленистое* (Прим₁; рис. 17) и оз. *Носатое* (Мез₁; рис. 18). При всей редкости этих моделей некоторые из них дают почву для размышлений этноязыкового характера. Так, в уникальном для Архангельской области названии *Коленистое*, возможно, сказалось карельское влияние, поскольку озерный тип *Polvijärvi* (~ приб.-фин. *polvi* ‘колено’, *järvi* ‘озеро’) хорошо представлен в исторических карельских ареалах [см.: Муллонен, 2002, 25]. Влияние языков субстрата можно предполагать и в названии *Носатое*, которое, по-видимому, передает признак кривой формы озера через указание на наличие вторгающихся в водное пространство мысов («носов»⁴): как будет показано в разд. 2, подобная модель номинации весьма характерна для лимнонимии финно-угорского происхождения.

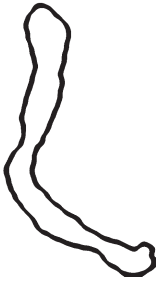

Рис. 16. Оз. *Заворотное*

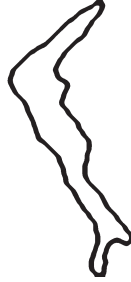

Рис. 17. Оз. *Коленистое*

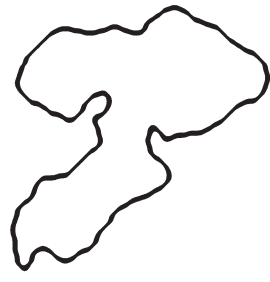

Рис. 18. Оз. *Носатое*

Завершая разговор об интересующих нас русских типах лимнонимов, еще раз отметим высокую степень их системности. По существу, как показано выше, в русских семантических микросистемах представлены все возможные бинарные комбинации с участием тополексем *Долгое* / *Длинное* / *Узкое* / *Тонкое* — *Круглое* / *Плоское* — *Кривое*; на их основе образуются и трехчленные микросистемы.

Вероятно, в силу масштабных исторических процессов калькирования, подобная комбинаторность может наблюдаться и в рамках разноязычных семантических микросистем, где, например, один член оппозиции представлен русским апеллятивом, а второй — финно-угорским. Естественно, следует допускать и существование таких семантических микросистем, все члены которых репрезентированы субстратными финно-угорскими тополексемами. В следующем разделе во всех возможных случаях на основе «русского опыта», этимологических методов и работы с картой мы попытаемся выявить эти связи. Не требуется доказывать, что их выявление значимо не только для исследования семантики

⁴ Ср. арх., влг. нос ‘мыс’ [КСГРС].

топонимов, но и для получения дополнительных системных аргументов в пользу тех или иных топонимических этимологий. С целью сохранения общей логики исследования субстратный материал во втором разделе рассматривается в том же идеографическом порядке, что и русский.

2. Субстратная лимнонимия финно-угорского происхождения

2.1. Как ни парадоксально — особенно в свете вышеизложенных русских данных — признак вытянутой формы озера в архангельской лимнонимии субстратного происхождения отражен очень слабо.

Пожалуй, без каких-либо оговорок к этому семантическому подтипу можно отнести только одноименные лимнонимы *Хойкозеро* (Онеж₃; см. рис. 19) < фин., карел. *hoikka*, люд. *hoik(ke)*, вепс. *hoik* ‘тонкий, узкий’ [SSA, 1, 169; Матвеев, 2004, 79]. При всей прозрачности этимологии отметим все же ее системное подтверждение: один из трех онежских лимнонимов входит в разноязычную семантическую микросистему *Хойкозеро* — *Пачозеро* (см. рис. 20), в которой реализуется оппозиция «длинное — кривое» (о топооснове *Пач-* см. в разд. 2.3).

Что касается других субстратных примеров, то признак «вытянутый, длинный» отражен в них, скорее, лишь в качестве дополнительной семы. Таковы, например, названия с основами *Ун-* и *Торос-*.

Основа *Ун-* в пределах Архангельской области представлена четырежды: в названиях залива *Унская Губа* (Прим₁), реки *Унежда* (Онеж₁), озер *Унозеро* (Онеж₁) и *Унаксозеро* (Плес₁). Как по географическим, так и по лингвистическим показаниям эти названия возможно связывать с прасаам. **võņe*, саам. сев. *vuodnâ*, ин. *vuona*, колт. *vidnn*, кильд. *vïnn* ‘узкий и длинный залив (моря, озера)’; саам. > фин. *vuono* ‘то же’ [YS, 154; KKLS, 788; SSA, 3, 474; см. также Кабинина, 2011, 126] (*Унозеро* — см. рис. 21)⁵. Не исключено, впрочем, что в отдельных случаях основа *Ун-* передает более общее значение ‘узкий, длинный’ —

Рис. 19.

Оз. Хойкозеро

Рис. 20. Система

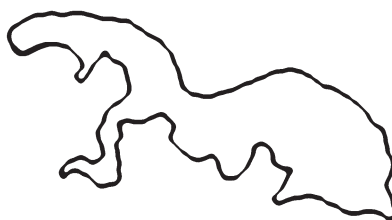
Хойкозеро —
Пачозеро

Рис. 21. Оз. Унозеро

⁵ С географической стороны эта этимология хорошо подтверждается и для названий залива *Уница* и оз. *Унозеро* в Карелии [АРК, 102, 114].

такое предположение, в частности, возникает при взгляде на картографически засвидетельствованную микросистему *Унаксозеро* — *Сомбозеро* (см. рис. 22), где второй лимноним, как нам представляется, выражает идею «округлого» и соотносится с приб.-фин. *sompa* ‘кольцо лыжной палки; обруч для крепления грузил невода’ [SSA, 3, 198] (подробнее см. в разд. 2.2).

О топооснове *Торос-*, представленной шестью примерами в Архангельской области (Плес₄, Пин₁, Прим₁) и рядом примеров в Вологодской области и Карелии, довольно подробно писали И. И. Муллонен [2002, 269–270], А. К. Матвеев [2004, 97–98] и А. Л. Шилов [2008, 54]. К их трактовке названий на *Торос-* как

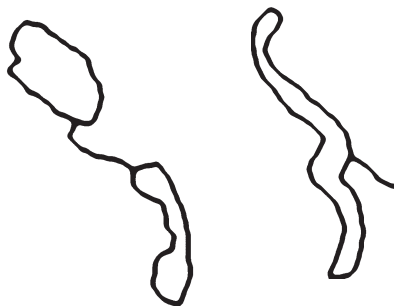

Рис. 22. Система
Унаксозеро —
Сомбозеро

Рис. 23.
Оз. *Торос*

«поперечных» (~ прасаам. **tōrēs*, саам. сев. *doares*, ин. *toaris*, колт. *tuä'res*, кильд. *tue'res*, тер. *toaras* ‘поперек’ [YS, 138–139]) хотелось бы добавить, что по крайней мере на материале архангельской лимнонимии очень заметен синкретизм топоосновы: наряду с семантикой «поперечного» она сохраняет примарное для саамского языка значение ‘надвое, пополам’ и на топонимическом уровне содержит факультативную сему ‘длинный’ (см. рис. 23). (Если озеро, которое пересекает река, не вытянуто в длину, то для его именования используются другие средства, например основа *Лумб-* со значением ‘речное озеро’.)

Совершенно не обнаруживается в архангельской лимнонимии весьма популярная у прибалтийских финнов топооснова *Пит(ь)к-* (~ приб.-фин. *pitkä, pitk(e), pit'k* ‘длинный’ [SSA, 2, 377]) и саамская основа *Кук-* (~ прасаам. **kukkē* ‘длинный’ [YS, 58–59])⁶. Однако удивительным это обстоятельство кажется только на первый взгляд. Названные лексемы — в силу их не только топонимической, но и высокой общезыковой значимости — в период контактов могли легко и точно калькироваться, чем, видимо, во многих случаях и обусловлено наличие разноязычных, «русско-субстратных» семантических микросистем (см. ниже, например, о системах *Долгое* — *Вирозеро*, *Долгое* — *Кеносора*, *Долгое* — *Кергозеро*, *Долгое* — *Кинжозеро*).

2.2. Насколько можно судить по имеющимся данным, признак округлой формы озера в субстратной лимнонимии Архангельской области выражается по преимуществу метафорически. Так, в четырех случаях (Плес₂, Вин₁, Онеж₁) для его выражения используется топооснова *Сомб-* / *Шомб-*, восходящая, на наш

⁶ Название *Кукозеро*, известное в Плесецком районе, предпочтительнее связывать с приб.-фин. *kukku* ‘крутая гора; холм’: на это указывает как форма озера, так и то, что на его южном берегу находится гора высотой 168 м над уровнем моря. О приб.-фин. *kukku* в топонимии см.: [Мамонтова, Муллонен, 1991, 45].

взгляд, к фин. или карел. *sotpa* ‘кольцо лыжной палки; грузило невода или сети; обруч для крепления грузил невода’ [SSA, 3, 198] (см. один из примеров на рис. 24). В связи с этой этимологией показательно, что в двух случаях из четырех рассматриваемые лимнонимы образуют идентичные микросистемы *Сомбозеро* — *Кергозеро* и *Шомбозеро* — *Кергозеро*, в которых реализуется оппозиция «круглое — кривое» (один из примеров см. на рис. 25; о топооснове *Керг-* см. в разд. 2.3).

Возможно, с подобной метафорической реализацией признака «округлости» связано и название оз. *Канделье* (Онеж₁), которое И. И. Муллонен сопоставляет с фин., карел. *kantele*, обозначающим известный у финнов и карелов музыкальный инструмент, похожий на гусли [см.: Муллонен, 2012]. Это предположение хорошо подтверждается как очертаниями формы самого озера, так и тем, что оно входит в микросистему *Канделье* — *Кривое* (см. рис. 26).

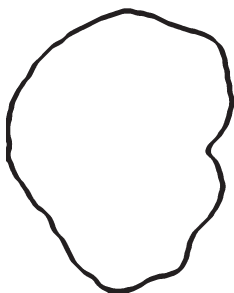

Рис. 24.
Оз. Шомбаш

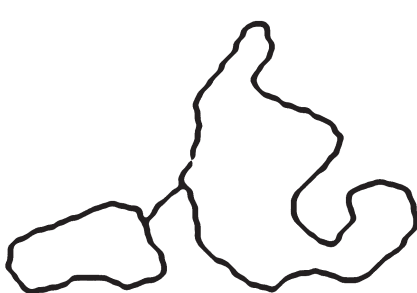

Рис. 25. Система
Сомбозеро — *Кергозеро*

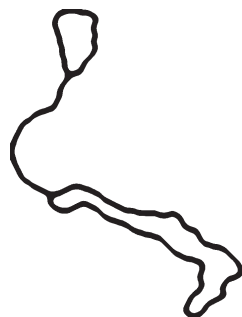

Рис. 26. Система
Канделье — *Кривое*

Очевидной метафорой является и название озера *Кемники* (Мез₁), находящее аналоги в русских образных лимнонимам типа *Котёл*, *Котелок* — ср. прасаам. **kētnē*, ин. *kiemni*, колт. *kiemnn*, кильд. *kītn*, тер. *kimçe*, няг. *kjētn^e*, пл. *kiemněk* ‘котел’ [YS, 52–53; KKLS, 118, 1061; см.: Кабинина, 2011, 244–245]. Подобные названия, помимо признака округлой формы озера, обычно указывают также на его значительную глубину и отвесные берега.

Неметафорический путь номинации «округлого» озера представлен, по нашим данным, только в названии *Лачезеро* (Прим₁), которое аналогично рассматривавшимся выше русским *Плоским* озерам: ср. фин. *latsakka*, карел. *lačči* ‘плоский’, ливв. *lačči* ‘плоский; отлогий, пологий, низкий’, люд. *lat's'*, *lat't's'u* ‘ровный’ [SKES, 279] (см. рис. 27).

2.3. Тип «Кривое озеро», согласно нашим данным, в субстратной топонимии Архангельской области преобладает над другими «геометрическими» типами как

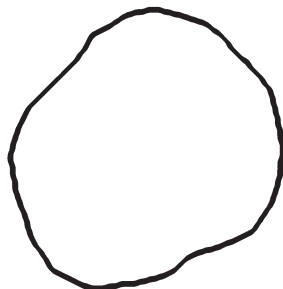

Рис. 27. Оз. Лачезеро

количественно, так и с точки зрения разнообразия языковых способов, передающих идею «кривого». Корпус этих субстратных названий настолько богат, что целесообразно рассматривать его по подтипам, выделяемым с учетом разных способов языкового воплощения признака кривизны.

2.3.1. Наиболее понятный и, видимо, наиболее универсальный способ условно можно назвать «собственно геометрическим»: в этом случае сложная форма озера «схватывается» целиком, без детализации — как бы при быстром взгляде сверху — и передается понятийно, посредством апеллятивов с общеязыковым значением ‘кривой, изогнутый’. К этому подтипу в наших материалах относятся субстратные лимнонимы с основами *Вир-*, *Кен-*, *Купар-*, *Ковер-* и *Нек-* / *Ниг-*.

Вир- (Онеж.; *Вирозеро*; Холм.; *Вироозеро*). «Точкой отсчета» при анализе этой основы служит для нас этимология И. И. Муллонен, данная для заонежского исторического названия *Вирозеро* (ныне *Вырозеро*; см. рис. 28). Опираясь на географические и историко-лингвистические данные, И. И. Муллонен связывает топооснову *Вир-* с карел. *vierä, viärä, veärä* ‘кривой, изогнутый’ [Муллонен, 2008, 70]. С чисто «словарных» позиций эта этимология не единственно возможная, однако она замечательно проясняет тождественные севернорусские факты, одновременно находя в них свое подтверждение. А именно — оба архангельских лимнонима на *Вир-* образуют идентичные микросистемы: *Вироозеро* — *Долгое* (Холм.) и *Вирозеро* — *Длинное* (Онеж.) (см. рис. 29, 30⁷).

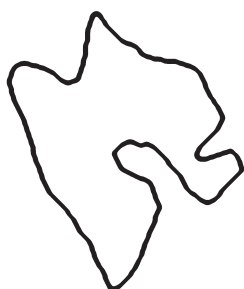

Рис. 28. Оз. **Вирозеро*
(Карелия)

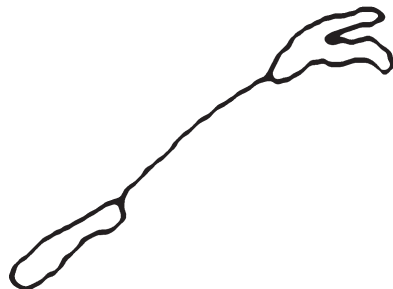

Рис. 29. Система
Вироозеро — *Долгое*

Рис. 30. Система
Вирозеро — *Длинное*

Такая устойчивость сама по себе говорит о том, что топооснова *Вир-*, скорее всего, характеризует форму озера, а наблюдаемый по картам тип этой формы не оставляет сомнений в том, что имеется в виду «кривое» озеро.

Кен-. В ряду севернорусских названий на *Кен-* ключевым для анализа следует, видимо, считать лимноним *Кенозеро* (Плес.), относящийся к одному из самых крупных озер Архангельской области.

⁷ Еще один известный нам пример такой связи (*Вирозеро* — *Долгое*) представлен в Пудожском районе Карелии, близ границы с Архангельской областью.

Е. А. Хелимский был первым, кто заметил, что плесецкое *Кенозеро* (см. рис. 31), как и *Кенозеро* в Карелии (Лоухский район), характеризуется очень своеобразной, сильно изогнутой формой. Учитывая это обстоятельство, Е. А. Хелимский сопоставил топооснову *Кен-* с фин. диал. *keno* 'дугообразный, изогнутый, накрененный', фин. *kenossa*, эст. *kenus* 'откинувшись назад'; по предположению исследователя, подобная лексема (**keno* 'изогнутый, кривой') существовала ранее в финно-угорских языках северо-западной группы [Хелимский, 2006, 47].

Не вдаваясь в детали дискуссии по поводу «финно-угорских языков северо-западной группы», отметим, что этимология Е. А. Хелимского находит свое подтверждение не только в абрисах формы озер, но и в фактах микросистемного порядка.

В частности, плесецкое *Кенозеро* до сих пор воспринимается местным населением как комплекс озер: в его северо-западной части как самостоятельный объект выделяется оз. *Долгое* (закрашено на рис. 31). Повидимому, и в этом случае мы имеем дело с проявлением хорошо развитой в Архангельской области топонимической оппозиции «Кривое — Долгое»⁸. Более того, тот же самый тип оппозиции иллюстрирует озерная микросистема *Кеносора — Долгое* (Холм.; см. рис. 32).

Эти микросистемные аргументы остаются в силе и для другой этимологической версии, согласно которой топооснова *Кен-* соотносится с фин. *käännē, käännös*, карел. *keännös* 'поворот', эст. *kään* (gen. *käänu, kääna, kääni*), *kääne* 'поворот, изгиб' [SKES, 264; SSA, 1, 483; Вольский, 2011, 105–106], поскольку семантически эта этимология также квалифицирует *Кенозеро* как «кривое» (озеро с изгибами береговой линии)⁹.

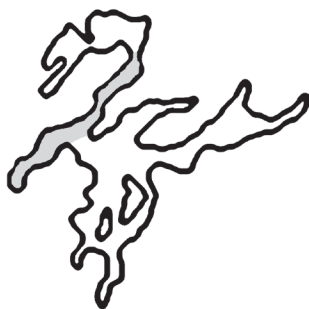

Рис. 31.
Оз. *Кенозеро*

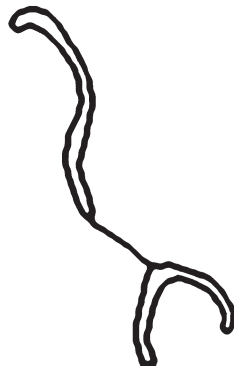

Рис. 32. Система
Кеносора — Долгое

⁸ Фактически членение северо-западной части плесецкого Кенозера еще более дробное. Оз. *Долгое* с северной стороны соединяется узкой перемычкой с оз. *Свиное*, а последнее, в свою очередь, такой же узкой перемычкой соединяется с оз. *Поча*. В названии *Свиное*, которое является очевидной русской адаптацией финно-угорского прототипа, заманчиво видеть приб.-фин. *suu* (gen. *suiden*) 'рот', что — в противовес «кривому» и «долгому» — выражает идею «круглого», но это предположение еще требует проверки.

⁹ Следует, впрочем, учитывать, что топооснова *Кен-* на Русском Севере не всегда соответствует семантике «кривого». Например, к проанализированному выше ряду названий не имеет отношения *Кенозеро*, расположенное на крайнем юго-востоке Архангельской области, близ границы с Республикой Коми. Это озеро имеет почти круглую форму и находится в зоне плотной коми топонимии, что позволяет связывать основу с пермскими источниками — ср., например, к.-зыр. *кӧн-*, удм. *кен-* 'самка глухаря, тетерева', общеперм. **ken* 'самка (некоторых птиц)' [КЭСК, 141].

Кунар- (Мез₁: *Kunara*). Ср. фин. *kip(p)ara*, ливв. *kiber* ‘кривой, изогнутый’ [SKES, 196; см.: Кабинина, 2011, 166]¹⁰.

Ковар- (Онеж₁: *Коварозеро*). Ср. фин., карел. *kovera*, вепс. *kover* ‘кривой, изогнутый’ [SSA, 1, 415–416; см.: Кабинина, 2011, 166]; ср. также известные в Карелии названия озер *Ковера*, *Ковердъярви* и др. [АРК, 100, 113].

Нек- / Ниг- / Ник-. В Архангельской области эта топооснова отмечена в составе пяти лимнонимов (Онеж₂, Вин₁, Плес₁, Прим₁), несколько подобных названий есть в Карелии (один из карельских примеров см. на рис. 33).

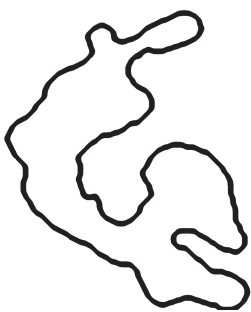

Рис. 33. Оз. Нигозеро (Карелия)

Рис. 34. Система Некоззеро — Плоское

В двух случаях из пяти архангельские субстратные названия входят в озерные микросистемы: *Некоззеро* — *Долгое* и *Некоззеро* — *Плоское* (см. рис. 34), что в совокупности с иными данными позволяет уверенно связывать основу с прасаам. **ńękē*, ин. *njihe-*, колт. *njeekk-*, кильд. *ńigg-*, тер. *ńikke-* ‘кривой’ [YS, 84–85].

В двух случаях из пяти архангельские субстратные названия входят в озерные микросистемы: *Некоззеро* — *Долгое* и *Некоззеро* — *Плоское* (см. рис. 34), что в совокупности с иными данными позволяет уверенно связывать основу с прасаам. **ńękē*, ин. *njihe-*, колт. *njeekk-*, кильд. *ńigg-*, тер. *ńikke-* ‘кривой’ [YS, 84–85].

2.3.2. Обратимся теперь к другому способу финно-угорского языкового видения формы «кривого» озера, который условно можно обозначить как «маршрутный» — способ наблюдателя, движущегося по извилистой береговой линии. В номинативном отношении такое видение связано с названиями, которые восходят к апеллятивам с семантикой «изгиб», «поворот», «излучина», «развиллина». В наших материалах этому подтипу соответствуют лимнонимы с основами *Вонг-*, *Кард-*, *Кянд-*, *Мег-*, *Пач-* и *Сорг-* / *Сор(о)к-*.

Вонг- (Онеж₁: *Вонгозеро*). Эта основа имеет параллель в топонимии Заонежья, где *Вонги* — название изогнутого в виде дуги берега Онежского озера у п-ова Клим. По мнению И. И. Муллонен, из всего широкого спектра значений прибалтийско-финской лексемы *vonka* (карел. *vonga*, ливв. *vongu*, люд. *vong*, *vonge*, вепс. *vong*) в заонежском названии отразилось значение ‘излучина, глубокая и широкая часть водоема’ [Муллонен, 2008, 23].

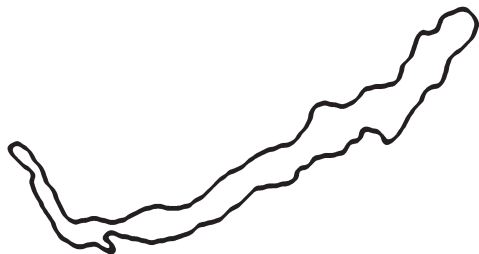

Рис. 35. Оз. Вонгозеро

Архангельское *Вонгозеро* также имеет дугообразную форму (см. рис. 35), что позволяет видеть в названии ту же прибалтийско-финскую основу с топонимическим значением ‘излучина, изгиб’.

¹⁰ Для этого названия, а также для следующего, рисунки не приводятся: озера настолько малы, что на картах трудно выделить их среди других озер.

Кард- (Прим₁: *Кардозеро*). Это озеро отличается от всех соседних озер значительной извилистостью береговой линии (см. рис. 36), что позволяет сопоставить название с прасаам. **kārtē* ‘изгиб, поворот’ [YS, 46]. Ныне в саамских диалектах (колт., кильд., тер.) эта лексема имеет значение ‘загон для оленей’ [KKLS, 90]¹¹, однако ее древняя пространственно-географическая семантика подтверждается тем, что слово засвидетельствовано в качестве детерминанта — в историческом топониме *Минишкарда* [КПИРС], называющем рыболовное угодье на нижней Двине (географически, видимо, это речная излуцина).

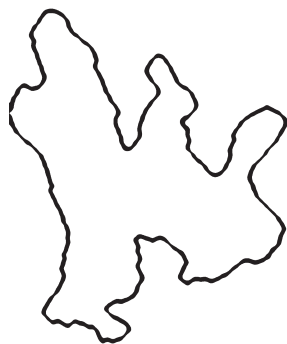

Рис. 36. Оз. Кардозеро

Кянд- (Онеж₁: *Кяндозеро*; см. рис. 37). По отношению к топооснове *Кянд-* выдвигались разные этимологические гипотезы [см.: Киришева, 2006, 56–57; Кабинина, 2011, 247], однако данные карты в наибольшей степени поддерживают новую версию И. И. Муллонен [2012], согласно которой топооснова связана с фин. или карел. *käänd-*, *keänd-*, реализующими сильную ступень чередования в фин. *käännē, käännös*, карел. *keännös* ‘поворот’ [SKES, 264; SSA, 1, 483].

Мез- (Леш₁: *Мезты*; см. рис. 38). Озеро расположено на крайнем юго-востоке Архангельской области, близ границы с Республикой Коми.

Рис. 37. Оз. Кяндозеро

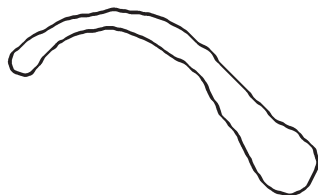

Рис. 38. Оз. Мезты

Этимологически лимноним прозрачен. Детерминант *-ты* восходит к к.-зыр. *ты*, общеперм. *tü* ‘озеро’, топооснова *Мез-* соотносится с к.-зыр. диал. *мег* ‘излучина’, общеперм. **мег* ‘изгиб, излуцина’ [КЭСК, 171, 292], что хорошо подтверждается как данными карты, так и общей типологией форм «кривого» (ср. *Вонгозеро* на рис. 35).

Пач- (Онеж₃, Пин₁, Прим₁, Холм₁). Ранее эта основа рассматривалась нами в составе трех лимнонимов Архангельского Поморья и была сопоставлена с саамской глагольной основой *pat's'* (ср. патс. *pa'ttšad*, нотоз. *paš'ttšad*, кильд. *paDt's'e^δ*, тер. *paDt's'a^d* ‘гнуть, сгибать’ [KKLS, 347; см.: Кабинина, 2011, 167]) —

¹¹ Это значение, наряду со значением ‘изгиб, поворот’, фиксируется и на прасаамском уровне [YS, 46].

в атрибутивном топонимическом употреблении эта основа, по-видимому, получает значение 'с изгибами', т. е. характеризует озера с извилистой линией берега.

Более широкие данные, учитывающие весь картографически засвидетельствованный архангельский материал, полностью подтверждают эту этимологию: озера на *Пач-* действительно отличаются выраженной кривизной формы (см. типичные примеры на рис. 39, 40)¹².

Единственным любопытным исключением является оз. *Пачесское* (Пин₁), по форме близкое к округлому. Это озеро располагается «кольцом» вокруг очень крупного острова (см. рис. 41). В этом случае, видимо, общеязыковая семантика «сгибания» на топонимическом уровне выразилась как идея «кольцевого», поскольку «кольцо» может рассматриваться как результат «сгибания». На общем фоне этот случай нетипичен, но все же подобную возможность семантического развития следует иметь в виду в дальнейших топонимических исследованиях. В плане микросистемных подтверждений этимологии основы *Пач-* см. приводившийся выше пример оппозиции *Пачозеро* — *Хойкозеро* («Кривое — Узкое»; см. рис. 20).

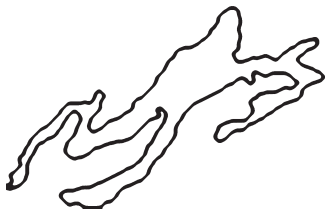

Рис. 39.
Оз. Пачозеро (Пин.)

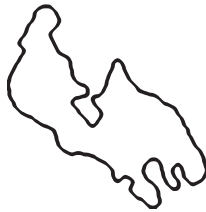

Рис. 40. Оз.
Пачозеро (Онеж.)

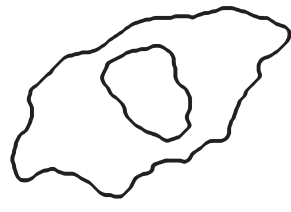

Рис. 41. Оз. Пачесское

Сорг- / *Сор(о)к-* (Онеж₂: *Соргозеро*, *Соркозеро*; Прим₁: *Сорокозеро*). Как можно видеть по картам (см. рис. 42–44), все архангельские лимнонимы на *Сорг-* / *Сор(о)к-* относятся к озерам довольно сложной формы с характерными «разветвлениями» водного пространства; в одном случае (см. рис. 42) наблюдается микросистема *Кривое* — *Соркозеро*, реализующая, по-видимому, тип оппозиции «кривое — разновидность кривого».

Рис. 42. Система
Кривое — *Соркозеро*

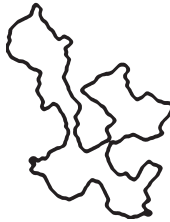

Рис. 43.
Оз. Соргозеро

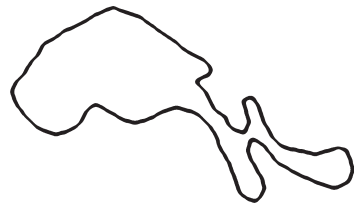

Рис. 44. Оз. Сорокозеро

¹² Эта семантика топоосновы *Пач-* подтверждается и за пределами лимнонимии — ср., например, название местности *Пачепельда* (Онеж.), расположенной при крутой S-образной излучине р. Онега.

Эти данные позволяют видеть в рассматриваемой топооснове реализацию саамской лексемы *suor'ge* 'ветка, развилина', соответствующей приоб.-фин. *sarka* 'полоса, полоска (поля, покоса и т. п.)' [SSA, 3, 158]. Исключением, впрочем, может являться онежское *Соркозеро* (см. рис. 42), общий тип формы которого допускает сопоставление с фин., карел. *sorkka*, люд. *sork(ke)* 'двупалое копыто' [SSA, 3, 202] — ср. кольский лимноним *Копытозеро* (рис. 10).

2.3.3. Третий подтип субстратных «кривых» озер характеризуется тем, что сложность их формы номинативно передается через указание на географическую реалию, которая существенно «искривляет» береговую линию (это может быть крупный мыс, залив, пролив или сразу несколько таких объектов). На первый взгляд, этот подтип не имеет прямого отношения к «кривому», однако, как оказывается, в топонимическом видении подобные озера нередко осмысляются именно как «кривые».

Пожалуй, наиболее ярко данный подтип представляют лимнонимы с основой *Керг-* / *Керк-*, с которой мы начнем анализ.

Керг- / Керк- (Плес₇, Мез₂, Холм₁). Все без исключения озера на *Керг-* / *Керк-*, отмеченные на карте Архангельской области, отличаются выраженной кривизной береговой линии, возникающей за счет наличия либо мысов, глубоко вдающихся в водное пространство, либо узких длинных заливов — таких же «концов», какие наблюдаются у русских *Угловатых*, *Угольных*, *Треугольных* озер (см. рис. 7, 8).

Этот общий признак позволяет связывать топооснову *Керг-* / *Керк-* с фин., карел. *kärki* 'острие, кончик', ср. также эст. диал. *kärk* 'угол топора' [SSA, 1, 476]. Поскольку топонимическим значением этой прибалтийско-финской лексемы может быть как 'мыс', так и 'залив', по внутренней форме названия типа *Кергозеро* / *Керкозеро* означают «Озеро с мысом (мысами)» или «Озеро с заливом (заливами)». В топонимическом функционировании, однако, они полностью соответствуют «кривым» вообще, вступая в микросистемные отношения с «долгими» и «круглыми» как в разноязычных оппозициях (см. рис. 45), так и в оппозициях собственно прибалтийско-финских. Последнее на одном примере уже было проиллюстрировано выше (система *Кергозеро* — *Сомбозеро*, см. рис. 25) — добавим к этому рис. 46 (см.), отображающий идентичную микросистему *Кергозеро* — *Шомбозеро*, в которой *Шомб-*, напомним, связывается нами с фин., карел. *sompa* 'кольцо лыжной палки; грузило невода или сети; обруч для крепления грузил невода' [SSA, 3, 198].

Интересный топонимический факт, косвенно

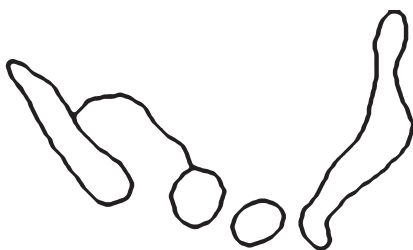

Рис. 45. Система Керкозеро –
Круглые Озёра — Долгое

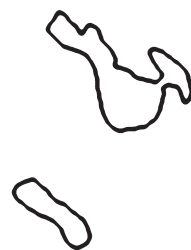

Рис. 46. Система
Кергозеро —
Шомбозеро

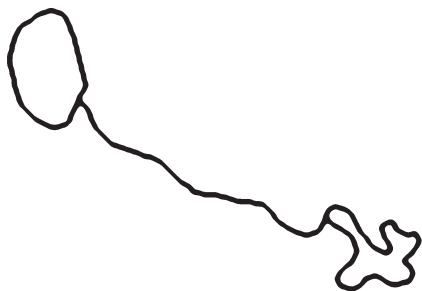

Рис. 47. Система Кяргозеро —
Нелозеро (Карелия)

верифицирующий этимологию архангельской топоосновы *Кярг-* / *Керк-*, отмечен в топонимии Беломорской Карелии, где картографически засвидетельствована оппозиция *Кяргозеро* — *Нелозеро* (см. рис. 47). Второй лимноним здесь, вероятно, связан с фин., карел. *nielu* ‘входное отверстие рюжи, мережи’ [SSA, 2, 216], образно реализующим признак округлой формы озера¹³.

Кроме лимнонимов на *Кярг-* / *Керк-*, к рассматриваемому подтипу возможно относить названия на *Немц-* и часть названий на *Салм-* / *Солм-* / *Шолм-*, *Чёлм-*.

Немц- (Прим.₁: *Немцозеро*). Эту основу мы связываем с карел. *niemes* — диминутивной формой от *niemi* ‘мыс’ [SSA, 2, 216], что хорошо подтверждается данными карты (см. рис. 48). Как показывает анализ собственно прибалтийско-финского материала, подобная модель («Озеро с мысом») весьма популярна в Карелии. Она используется для озер, имеющих кривую, нередко дугообразную форму, обусловленную «вторжением» в озеро крупного мыса (два таких карельских примера см. на рис. 49, 50).

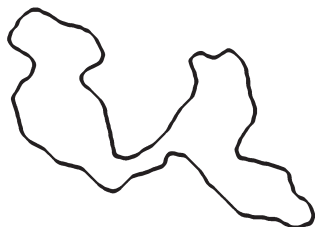

Рис. 48. Оз. Немцозеро

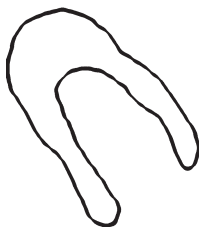

Рис. 49. Оз.
Неми (Карелия)

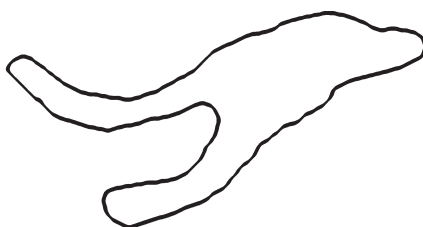

Рис. 50. Оз. Немозеро (Карелия)

В русской лимнонимии Архангельской области, заметим, этот способ передачи кривой формы озера практически не развит — попытку «применить» его можно видеть лишь в упоминавшемся выше названии оз. *Носатое* (см. рис. 18), которое, возможно, является калькой субстратного прототипа.

¹³ В Карелии есть и другие лимнонимы на *Кярг-*, что подтверждает топонимическую реальность этой прибалтийско-финской основы, в том числе и в виде севернорусского *Кярг-* / *Керк-* (с учетом известного русского фонетического перехода ‘á > ‘é). В то же время семантика этой основы не соответствует природным признакам некоторых озер под названием *Кяргозеро* в Вологодской области. Возможно, как предполагает А. А. Макарова [2012а, 70], какие-то из этих вологодских названий связаны с приб.-фин. *kirkko*, саам. *kirko* ‘церковь’, хотя фонетически объяснить это довольно трудно. Кроме того, для двух самых восточных архангельских лимнонимов *Кяргозеро* (Мез.; крупные озера с рыбацкими избами) не следует исключать связь с к.-зыр. *керка* ‘дом, изба’ [КЭСК, 122].

Салм- / Солм- / Шолм-, Чёлм-. В части случаев архангельские лимнонимы с этими основами не имеют никакого отношения к теме «кривого», обозначая, в соответствии с семантикой основы, озера, имеющие проточную связь с другими водоемами (~ фин. *salmi*, карел. *salmi, salmes*, ливв. *šalmi*, люд. *sal'm, salm(i)*, вепс. *sal'm, soum* 'пролив' ~ прасаам. **čōlmē*)¹⁴. В то же время в ряде примеров эта основа косвенно указывает на кривую форму озера — это относится к случаям, когда пролив настолько короток, что представляет собой своего рода перемычку, маленький водный перешеек, «переузь» между частями одного и того же озера. Таких примеров в наших материалах шесть (Плес₃: *Салмозеро, Солмозеро, Шолмозеро*; Пин₁: *Чёлмозеро*; Прим₁: *Салмозеро*; Шенк₁: *Чёлмозеро*) — некоторые из них см. на рис. 51–52.

В качестве иллюстрации микросистемных связей, в которые могут вступать названия на *Салм- / Солм- / Шолм-, Чёлм-*, приведем оппозицию *Салмозеро* — *Нигозеро* (Карелия, см. рис. 53; о топооснове *Ниг-* см. выше). Эта оппозиция аналогична упоминавшейся в разд. 1.3 русской микросистеме *Кривое* — *Переестрое*.

В целом анализ лимнонимов данного подтипа позволяет выделять такую субстратную топонимическую модель, как «Озеро с мысом / заливом / (коротким) проливом». Ее конкретные воплощения, хотя и косвенным образом, указывают на сложную, искривленную форму водоема. Для исконно русских названий озер эта модель нехарактерна — как показано выше, она отмечена лишь в очень небольшом количестве примеров.

2.3.4. В качестве четвертого подтипа субстратных «кривых» озер рассмотрим образные названия.

Винг- (Онеж₁: *Вингозеро*). Лимноним относится к озеру с дочерним озерком *Плоское* (см. рис. 54, где *Плоское* — часть справа). Вполне вероятно, что в прошлом название *Вингозеро* было общим для этих двух озер, образующих в целом водоем довольно сложной формы. Во всяком случае,

Рис. 51.
Оз. Солмозеро

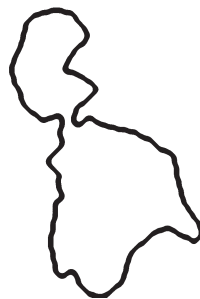

Рис. 52.
Оз. Шолмозеро

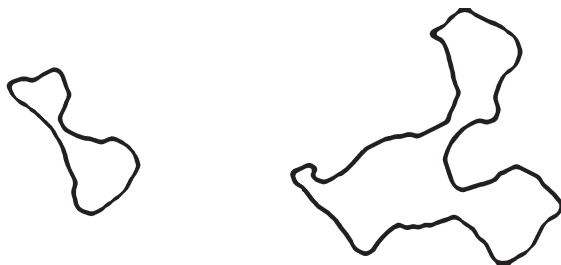

Рис. 53. Система Салмозеро — Нигозеро
(Карелия)

¹⁴ Этимология субстратного *салма* (< приб.-фин. *salmi, sal'm* 'пролив') впервые дана Я. Калимой [Kalima, 1919, 213]; севернорусские топонимические основы *Салм-, Солм-, а также их саамский эквивалент Чёлм-* подробно рассмотрены А. К. Матвеевым [2004, 65, 99, 182].

Рис. 54. Система
Вингозеро — Плоское

для топоосновы *Винг-* хорошо прослеживаются связи с прибалтийско-финскими апеллятивами, имеющими сему 'кривой':

1) ~ фин. *vinka* 'крюк, на который подвешивается котелок над огнем; крючок на стене для подвешивания ложек, топоров и т. п.', *vinkka* 'то же; крючок или колышек на стене, служащий для закрепления сети' [SKES, 1774]. Примечательно, что по общему типу формы *Вингозеро* очень схоже с *Ковкозером* (Плес.; см. рис. 59) < приоб.-фин. *kouk-* 'крюк' [SSA, 1, 414];

2) ~ фин. **vinkka*: *vinkassa* 'криво, косо', *panna jalat vinkalle* 'класть ноги крест-накрест', *vinkkaleuka* 'кривая челюсть', карел. *vinkka* 'кривое, косое место', *vinkas, vinkkah* 'накренившись, набок, криво' [SKES, 1774].

На Русском Севере топооснова *Винг-* уникальна, но, возможно, «двойником» онежского лимнонима является изогнутое оз. *Винга* в Беломорской Карелии [АРК, 10].

Кад- В лимнонимии Архангельской области эта основа довольно частотна, однако для нее прослеживаются разные языковые источники.

Так, два нижнеонежских *Кадозера*, отличающиеся своеобразной раздвоенной формой (см. рис. 55–56), со всей очевидностью следует связывать с дифференцирующей карельской основой *kuad-* 'кальсоны' [Муллонен, 2012] (ср. приводившиеся выше русские названия озер, образованные от апеллятивов *гачи, портки*; см. рис. 9). В связи с карельской этимологией показательно, что эта образная модель — так же, как соответствующая русская, — локализуется на западе Архангельской области, где карельское топонимическое наследие особенно значительно.

Что касается трех озер под названием *Кадозеро*, отмечаемых восточнее Северной Двины (Прим₁, Холм₁, Шенк₁), то ни одно из них раздвоенностью формы не отличается. Их общий признак — расположение на болотах или в ближайшем соседстве с ними, что позволяет связывать топооснову с к.-зыр. *kad* [*кадй-*] 'топь, зыбун, трясины', общеперм. **kād* 'болото' [КЭСК, 114].

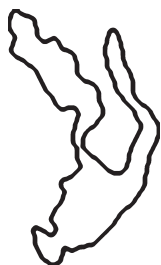

Рис. 55. Оз.
Кадозеро (1)

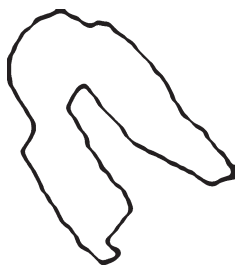

Рис. 56. Оз.
Кадозеро (2)

Капи- (Онеж₁: *Капиозеро*). Название относится к вытянутому водоему с двумя крупными заливами, которые расположены почти перпендикулярно к основному «телу» озера (см. рис. 57).

В целом по форме озеро напоминает корпус животного с ногами / лапами, поэтому вполне убедительной представляется этимология Т. И. Киришевой, которая связывает топооснову с фин. *käpsä*, карел. *käptša* 'нога, лапа', люд. *käptš(e)* 'нога, лапа, ласты', *käpš*

‘птичья лапа’, вепс. *käpš* ‘нога’ [SSA, 1, 474–475; см.: Киришева, 2006, 78]. Видимо, в данном случае перед нами образный топоним с буквальным значением «Озеро с ногами», «Ногастое озеро». По очевидным причинам для онежской топоосновы *Капи-* следует отклонить ранее предлагавшееся нами сопоставление с саам. **каэррвэ* ‘коготок’ [Кабинина, 2011, 248].

Кинж- (Плес₁: *Кинжозеро*). Фонетическая форма этой топоосновы позволяет предложить две этимологии.

С одной стороны, основу *Кинж-* возможно сопоставить с фин. *kynsi*, карел. *kynsi* ‘ноготь, коготь; пальцы, кончики пальцев; острие, кончик’, люд. *kündž, künzi*, вепс. *künž, künd'ž, kiñž*, ижор. *küns* ‘ноготь, коготь’ [SSA, 1, 464]¹⁵. С другой стороны, при русском усвоении фонетически идентичны и саам. кильд. *kienz*, атт. *kienDzeš*, тер. *kienze*, атт. *kienDzeš* ‘узкий’ [YS, 49; KKLS, 115]. Выбору этимологического решения в данном случае помогает карта: по форме *Кинжозеро* — слегка искривленное, с острым заливом — напоминает коготь и в целом, видимо, осмысляется как «кривое», на что указывает его связь в составе микросистемы с оз. *Долгое* (см. рис. 58).

Ковк- (Плес₁: *Ковкозеро*). Топооснова соотносится с фин. *koukki, koukka*, карел. *koukki*, люд. *kouk(ku)*, вепс. *kouk, kūk* ‘крюк’ [SSA, 1, 414]. Действительно, на карте *Ковкозеро* — небольшое озеро со сложными очертаниями, по общему типу формы напоминающее *Вингозеро* (ср. рис. 59 и 54; *Винг-* ~ фин. *vink(k)a* ‘крюк, крючок’ [SKES, 1774])¹⁶.

Кырв- (Прим₁: *Кырвозеро*, истор. *Кирвоозеро* [КПИРС]; см. рис. 60). Поморское *Кырвозеро* входит в один ряд с известными в Карелии топонимами *Кирвасозеро*, *Кирвеслахти*, *Кирвесвара* и др. [АРК, 47, 108; Муллонен, 2008, 79]; топооснова с очевидностью соотносится с фин., карел., люд. *kirves*, вепс. *kirvez, kervez* ‘топор’ [SSA, 1, 373]. В нашем случае именование озера, скорее всего, связано с наличием на его юго-восточном берегу крупного мыса, по форме напоминающего лопасть топора. Может быть, однако, сходство с лопастью топора древние номинаторы усматривали в форме смежного с мысом залива или даже в общей форме озера.

Люль- (Плес₁: *Люль*). По мнению И. И. Муллонен, названия с основой *Люль-* этимологически связаны с прибалтийско-финской

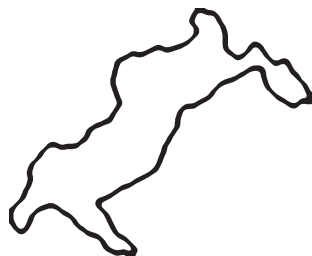

Рис. 57. Оз. *Капиозеро*

Рис. 58.

Система *Кинжозеро* — *Долгое*

¹⁵ Ср. также арх. *кинжа* ‘вбиваемый в верхний конец топорича гвоздь или клин’ [Подвысоцкий, 65–66], которое возводится к фин. *kynsi*, карел. *künzi* ‘гвоздь’ или к карел. *kinža* ‘клин’ [Фасмер, 2, 234].

¹⁶ О других топонимах Русского Севера на *Ковк-* см.: [Матвеев, 2004, 41; Кабинина, 2011, 244; Макарова, 2012б, 406–407].

лексемой *lyly*, имеющей ныне широкий спектр значений, развившихся из исходного ‘комель, крень (косослойное дерево)’ [SSA, 2, 118]: в топонимии, соответственно, лексема указывает на слегка искривленную форму объекта [Муллонен, 2012]. В плесецком названии оз. *Люль* (см. рис. 61) можно видеть замечательное подтверждение этой этимологии (иная интерпретация топонимической семантики лексемы *lyly* предлагалась в [Кабинина, 2011, 253–254]).

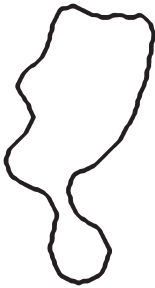

Рис. 59. Оз. Ковкозеро

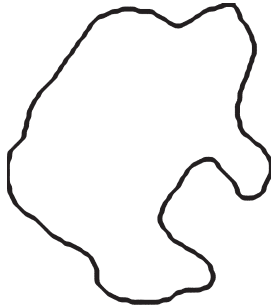

Рис. 60. Оз. Кырвозеро

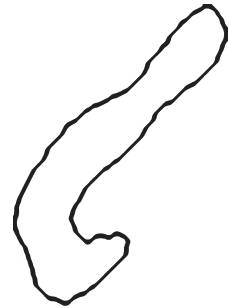

Рис. 61. Оз. Люль

Нижм- (Онеж.: *Нижмозеро*). Название *Нижмозеро* сохранилось ныне только как ойконим: оно относится к поселению, расположенному на мысе, глубоко вдающемся в озеро, которое в наши дни воспринимается как два смежных озера. Они называются *Пурнемское* (на рис. 62 слева) и *Унское* (справа) — видимо, по географической ориентации на села *Пурнема* и *Уна* (или, может быть, по принципу древнего владения).

А. Л. Шилов, анализируя идентичный карельский исторический лимноним *Нижмозеро*, сопоставил топооснову *Нижм-* с саам. *n'essem* ‘пах’, в топонимии ‘раздвоение’ [Шилов, 1999, 108]¹⁷, что хорошо поддерживается данными карты (см. рис. 63). Эта этимология сохраняет свою значимость и для онежского **Нижмозера*, состоящего из двух частей.

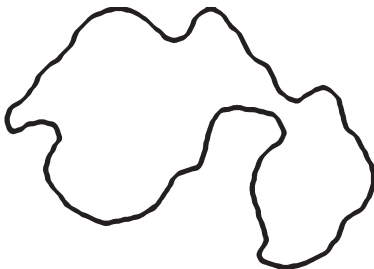

Рис. 62. Оз. *Нижмозеро

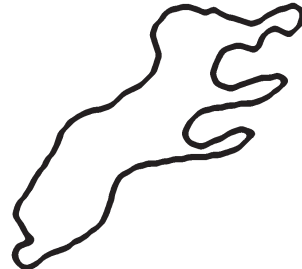

Рис. 63. Оз. Нижемское (Карелия)

¹⁷ Ср. также саам. сонг. *neäšm* ‘пах оленя’ [KKLS, 276; см.: Кабинина, 2011, 252–253].

В то же время, с учетом всего приведенного выше материала, не исключена и другая возможность. В частности, для основы *Нижм-* может восстанавливаться саамский прототип в виде **Нижжм-*, где *Ниж-* < прасаам. **ñekē*, ин. *njihe-*, колт. *njeek-*, кильд. *ñigg-*, тер. *ñikke-* ‘кривой’ [YS, 84–85], а *-жм-* восходит к древнему саамскому диминутивному суффиксу [см. о нем: Кабинина, 2011, 60–61]. Фонетическую трансформацию **Нижжм-* > *Нижм-* можно считать вполне закономерной, поскольку случаи ослабления и последующей утраты интервокального заднеязычного в субстратных топонимах Архангельской области известны и по другим примерам [см.: Там же, 271]. При такой этимологической трактовке «двойником» онежского топонима может являться название *Нижжма*, относящееся ныне к поселению в Пудожском районе Карелии [АРК, 138].

Нюн- (Шенк.; оз. *Нюнегское* с р. *Нюнега*). Основу этих двух названий впервые интерпретировал М. Фасмер, сопоставив ее с саам. норв. *njudne*, *njune* ‘нос’ [Vasmer, 1936, 205–206]. А. К. Матвеев, анализируя более широкий круг севернорусских названий на *Нюн-*, приводит полные саамские данные: саам. ин. *njune*, колт. *njuinn*, кильд. *ñinn*, тер. *ñinne* ‘нос; клюв’ [YS, 88–89]; по мнению исследователя, в топонимии эта лексема получает значение ‘мыс’ [Матвеев, 2004, 93; 2007, 112].

В интересующем нас случае очень вероятно, что в системе р. *Нюнега* — оз. *Нюнегское* первоначально возник лимноним. На эту возможность указывает вдающийся в озеро крупный мыс (рис. 64); аналогичный тип «кривой» формы, определяемый наличием крупного мыса, имеют озера *Немцозеро*, *Немозеро* и *Неми*, названия которых мы связываем с приб.-фин. *niemi* ‘мыс’ (см. рис. 48–50). Очень вероятно также, что рассматриваемый лимноним является метафорическим: «Озеро, похожее на нос / клюв».

В любом случае перед нами — дифференцирующая основа саамской «диалектной эпохи», ср. фонетически иные прасаам. **ñōñē*, раннеприб.-фин. **ñana*, приб.-фин. *nenä* [см. подробнее: Матвеев, 2007, 112].

Пильд- (Онеж.; *Пильдозеро*). Название относится к небольшому озеру с характерным изогнутым заливом (см. рис. 65).

В качестве источника основы видится субстратное слово, близкое к саам. кильд. *pielg*, тер. *pielge* ‘большой палец руки’ (на прасаамском уровне и в других саамских диалектах иной вокализм: прасаам. **pelkē*, саам. сев. *bælge*, ин. *pelgi*, колт. *peälgg*) [YS, 100–101]; о регулярной мене *лг / лд* при русском усвоении суб-

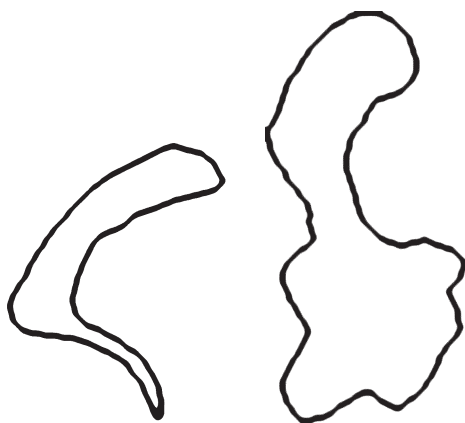

Рис. 64.
Оз. *Нюнегское*

Рис. 65.
Оз. *Пильдозеро*

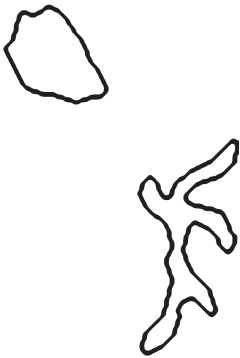

Рис. 66. Система
Рыстозеро —
Плоское

стратных топонимов см.: [Кабинина, 2011, 41, 271]). Тем самым, видимо, перед нами образное название: буквально «Большой палец-озеро» или «Озеро с большим пальцем»¹⁸.

Рыст- (Винг.: *Рыстозеро*). Лимноним входит в микросистему *Рыстозеро* — *Плоское* (см. рис. 66). По всем показаниям, включая эти системные данные, топооснову *Рыст-* возможно связывать с приб.-фин. *risti, rist* ‘крест’ или саам. *ris'tâ* ‘то же’ (< фин., карел.) [SSA, 3, 83].

А. К. Матвеев, анализируя гидроним *Рыстоз* (Влг.), отметил, что с фонетической стороны его основа наиболее близка к саам. кильд., тер. *rist*⁴ ‘крест’ [Матвеев, 2007, 132–133]. Это верно и в нашем случае, но, как установлено самим А. К. Матвеевым [2001, 137–138], по ранним историческим источникам известны примеры передачи русским *ы* прибалтийско-финского *i*; в том числе есть примеры передачи русским *ры-* начального прибалтийско-финского *ri-* [см.: Кабинина, 2011, 38]. Поэтому по данной черте вокализма судить о языковом источнике основы затруднительно.

3. Итоговые размышления

Представленные выше материалы позволяют высказать некоторые соображения, тесно связанные с перспективами исследования субстратной топонимии Русского Севера и — шире — субстратной (финно-угорской) топонимии Европейского Севера России.

3.1. Прежде всего заслуживают обсуждения вопросы, касающиеся особенностей русского и финно-угорского видения озер, именуемых по признаку формы. В этом отношении, как можно судить по нашим материалам, финно-угорские этносы в целом более изобретательны и, если можно так выразиться, более «денотативны». Наилучшим образом эти качества проявляются в именовании озер сложной формы, т. е. «кривых» озер. В их русском языковом видении мы, по сути, наблюдаем почти полное господство одной модели — собственно «геометрической», понятной (*Кривое Озеро*). Выходы за пределы этой модели довольно редки и порой подозрительны с точки зрения «русской» исконности соответствующих названий. В финно-угорском же видении «кривые» озера полу-

¹⁸ Дополнительно верифицировать эту этимологию мог бы абрис оз. *Пильгуярви* (Кольский полуостров), однако на месте этого озера уже несколько десятилетий находится рудный карьер — на современной карте сохранилась лишь смежная речка *Пильгуйоки*. Финаль основы в этих кольских названиях позволяет предполагать, что они могут восходить к **Пильгуй* — архаичному саамскому личному имени, образованному от *pielg, pielge* ‘большой палец руки’. Эту же возможность, на наш взгляд, следует допускать и для лимнонима *Пильдозеро* в Карелии (Лоухский район), называющего крупное озеро довольно сложной формы.

чают два дополнительных продуктивных способа номинации: через апеллятивы со значениями 'излучина', 'изгиб, поворот', 'развилина' и через географические термины со значениями 'мыс', 'залив', 'пролив'.

Более разнообразными в сфере «кривого» оказываются и метафорические финно-угорские названия. При этом важно отметить, что русские топонимы-метафоры, передающие идею «кривого» (*Клюка, Копыто, Сапог* и др.) никогда не используются в именовании сколь-либо крупных озер, тогда как финно-угорские образные названия нередко относятся к довольно крупным водоемам. Это позволяет говорить о своеобразном «верхнем» видении древних финно-угорских номинаторов, умевших представить свою местность как бы «с высоты птичьего полета».

3.2. В связи со сказанным выше кратко коснемся вопроса о наблюдаемых в архангельской лимнонимии различиях русской и финно-угорской образности. Субстратный материал в этом отношении иллюстрирует высокую продуктивность зоо- и антропоморфных метафор («палец», «нога, лапа», «коготь, ноготь», «нос, клюв», «пах»), которые в исконно русских названиях озер встречаются крайне редко. Не встретились нам в русской лимнонимии и метафоры «инструментального» характера, тогда как в финно-угорских названиях («крюк», «топор») они представлены. Некоторые сходжения наблюдаются в топонимических метафорах из области «посуды» («котел»), которые обычно используются при именовании озер округлой формы. Однако для последних есть специфичные финно-угорские модели, неизвестные исконно русской лимнонимии («кольцо лыжной палки; обруч или грузило невода»).

3.3. Как представляется, вопросы этноязыковой топонимической специфики имеют непосредственную связь с широко обсуждаемыми в топонимике проблемами калькирования. На материале архангельской лимнонимии, изобилующей разноязычными микросистемами, достаточно хорошо видно, что калькирование имело избирательный характер. В частности, по-видимому, быстро и тотально оно охватывало основы, лишённые ярко выраженной этноязыковой специфики, основы, имеющие высокую общезыковую значимость и точные межъязыковые (в том числе топонимические) эквиваленты. Как уже отмечалось выше (см. разд. 2.1), ярким примером тому могут служить архангельские *Долгие* озера, фиксирующиеся в огромном количестве при полном отсутствии их субстратных аналогов на *Питьк-* и *Кук-*, которые весьма продуктивны на собственно прибалтийско-финских и саамских территориях.

Соответственно, дошедшие до нас некалькированные субстратные топонимы сами по себе «сигнализируют» о своем особом статусе: даже в период двуязычия они были трудны для перевода, поскольку в той или иной мере являлись этнически специфичными, т. е. не находили в воспринимающем русском языке эквивалентного и привычного воплощения. В качестве примера приведем продуктивную в архангельской лимнонимии топонимическую основу *Керг-* / *Керк-*, которая

возводится нами к приб.-фин. *kärki* ‘острие, кончик’ [SSA, 1, 476] (подробнее см. в разд. 2.3.3). При русском переводе лимнонимов с этой основой возможны варианты **Острозеро*, **Острое Озеро*, **Кончикозеро*, однако они, видимо, были настолько непривычны для русской топонимической традиции, что подобный перевод не осуществлялся. То же можно сказать о большинстве рассмотренных нами субстратных топооснов.

Разумеется, этноязыковая специфичность топоосновы не является единственной причиной «отказа» от калькирования: помимо внешних причин (степень активности контактов, их длительность и т. п.), этот отказ мог быть обусловлен и фонетическими трансформациями, приводящими к затемнению основы. Не исключено, например, что в том же случае с основой *Керг-* / *Керк-* калькированию помешала не только семантика исходного апеллятива, но и известный русский переход 'á > 'é, вследствие которого топооснова «оторвалась» от своего прибалтийско-финского прототипа *kärk-* (такой фонетически обусловленный отрыв возможно предполагать и для топооснов *Вир-*, *Кен-*, *Пильд-*, *Рыст-*, *Сорок-*).

В итоге следует признать, что основную работу по этимологической интерпретации субстратных названий произвело в прошлом само архангельское население, преобразовав значительное количество финно-угорских топонимов в тождественные русскоязычные и оставив для нас, по преимуществу, лишь наиболее сложные случаи, требующие всестороннего углубленного анализа.

3.4. Отдельного обсуждения заслуживает вопрос о том, какую роль играли лимнонимы (а в бытийном плане — и сами озера) в освоении архангельской земли древним населением. Как известно, в литературе по топонимике почти «общим местом» является мысль о хронологической первичности потамонимов (названий рек), которые — в сравнении со всеми другими топонимами, в том числе и лимнонимами, — признаются наиболее древними.

Не оспаривая эту мысль в целом, мы все же должны отметить, что в Архангельской области, где озерный ландшафт очень плотен, ключевыми объектами топонимического видения и главными номинативными центрами являются не реки, а озера. Об этом свидетельствуют результаты простого, по сути, анализа одноосновных смежных гидронимов, образующих системы типа «лимноним — потамоним». В большинстве таких систем налицо либо формально выраженная производность от лимнонима к потамониму (напр., оз. *Круглое* — руч. *Круглец*, оз. *Треугольное* — р. *Треугольница*), либо та же по направлению производность, не имеющая формальных маркеров, но отлично подтверждаемая данными карт (напр., оз. *Кривое* — руч. *Кривой*, где озеро — типичное «кривое», а ручей не отличается даже слабой извилистостью русла). Подобных примеров многие десятки.

Если попытаться осмыслить исторические механизмы, обусловившие эту ситуацию, то нельзя не признать, что в далеком прошлом первыми осваивались, конечно же, водные пути, т. е. реки, которые, разумеется, могли получать в среде древнего мигрирующего населения некие имена. Однако, видимо, с освоением

озер и расселением по озерам, на новой ступени осмысления и «систематизации» пространства, эти первичные речные имена вступали в своеобразное состязание с лимнонимами и далее вытеснялись метонимическими «отлимнонимными» названиями.

Такой путь видения озер как «фокусов» топонимического пространства очень вероятен и потому, что озера отличаются большей физико-географической, и соответственно, большей номинативной определенностью, чем реки. На Русском Севере связанность реки с данным озером — порой ее единственная устойчивая характеристика: в отличие, скажем, от очень переменчивых характеристик речного русла, которое может быть то песчаным, то каменистым, то заболоченным; то «еловым», то «сосновым»; то прямым, то извилистым; и т. п. Как нам представляется, это, по меньшей мере, верно для сравнительно небольших архангельских гидросистем «река — озеро».

Тем самым, на наш взгляд, именно лимнонимия способна дать ключ к этноязыковой интерпретации речных гидронимов Архангельской области, а также речной гидронимии регионов, которые родственны архангельской земле по параметрам водного ландшафта и особенностям его древнего освоения¹⁹.

3.5. Среди итогов нашего исследования нельзя не отметить выявление ряда новых этнодифференцирующих основ, этимологическая трактовка которых хорошо подтверждается данными географии и микросистемными топонимическими связями. В частности, к уже известным дифференцирующим саамским фактам возможно добавить основы *Нек-* / *Низ-* / *Нук-* («кривой»), *Пач-* («с изгибами») и *Пильд-* («большой палец руки»). В ряду прибалтийско-финских субстратных названий, которые далее дифференцировать не всегда удается, все же заметно выделяется карельский «след», представленный основами *Вир-*, *Кандель-*, *Немц-*, *Шомб-*.

3.6. Наконец, в итоговых размышлениях еще раз хотелось бы обратить внимание на высокую степень системности лимнонимов, характеризующих форму озера. Как показано выше, и сам факт этой системности, и ее конкретные проявления в устойчивых типах оппозиций оказывают существенную поддержку в решении этимологических задач.

Кроме того, представленные материалы, на наш взгляд, позволяют на качественно новом уровне взглянуть на дискуссионные проблемы этимологизации ряда названий крупнейших озер Архангельской области. В частности, нам кажется вполне вероятным, что высокая системность архангельских лимнонимов может находить проявление на разных уровнях — как в микро-, так и в макротопонимии.

¹⁹ Здесь мы прежде всего имеем в виду некоторые зоны Карелии и Кольского полуострова, однако подобные территории, видимо, есть и южнее Архангельской области. Об этом свидетельствуют наблюдения А. А. Макаровой [2012б, 164], касающиеся гидронимии Белозерья, и выводы В. Л. Васильева [2012, 12], который отмечает высокую продуктивность производности от лимнонима к потапониму в топонимии древней Новгородской земли.

В связи с этим обратимся к названиям самых крупных архангельских озер *Кенозеро* и *Лача*, которые образуют гидросистему оз. Лача — р. Онега — р. Кена — оз. Кенозеро.

Для названия *Кенозеро*, как уже отмечалось выше (см. разд. 2.3.1), предлагалось две этимологии: от субстр. (ф.-уг. СЗ) **keno* ‘изогнутый, кривой’ [Хелимский, 2006, 47] и от приб.-фин. *kään(n)*- ‘поворот, изгиб’ [Вольский, 2011, 105–106]. Эти этимологии идут разными путями, но сходятся в одном: они квалифицируют *Кенозеро* как «Кривое озеро», что прекрасно подтверждается данными карты, к которой апеллируют оба автора.

Две этимологии предложены и для лимнонима *Лача*. А. И. Попов связывал его с карел. *lačši* ‘плоский; пологий, отлогий; низинный, ровный’ [Попов, 1973, 126–128]. Е. А. Хелимский, с учетом инлаутного соответствия ф.-уг. *č* ~ фин. *h*, видел в названии *Лача* ф.-уг. СЗ **lačo*, **lače*, соотносимое с приб.-фин. *laho* ‘трухлявый, гнилой’ [SSA, 2, 35], саам. **lōse-* ‘просачиваться’ [Хелимский, 2006, 46].

Не претендуя на разрешение этой этимологической дискуссии, отметим все же, что макросистема *Кенозеро* — *Лача* как по собственно языковым показателям, так и по данным карты (форма озер: ср. рис. 67 и 68), замечательно вписывается в выявленный нами — причем именно для данной территории — продуктивный тип лимносистем «Кривое озеро — Плоское озеро».

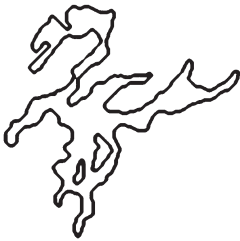

Рис. 67.
Оз. Кенозеро
(«Кривое»)

Рис. 68. Оз. Лача
(«Плоское»)

Это, по сути, означает, что относительно названия *Лача* в дискуссии А. И. Попова и Е. А. Хелимского нам представляется более убедительной точка зрения А. И. Попова, связывающего лимноним с приб.-фин. *lač(č)*- ‘плоский’²⁰.

Более того, если выйти за пределы Архангельской области и включить в рассматриваемый ряд оз. *Воже*, образующее

²⁰ А. И. Попов говорил именно о карельских истоках названия, однако основа *lats-* известна и в финском языке [SKES, 279], что позволяет расширить источник до определения «прибалтийско-финские языки». Заметим, что в пользу гипотезы А. И. Попова — не только языковые данные, но и факты географии: кроме плавности, неизрезанности береговой линии, оз. *Лача* характеризуется расположением на плоской равнине, глубина его не превышает 5 м (ср. до 90 м на *Кенозере*) — тем самым, лимноним полностью отвечает архангельскому типу «Плоское». В то же время трудно согласиться с версией Е. А. Хелимского, согласно которой *Лача* означает «Гнилое»: подобные названия обычно даются небольшим непроточным озерам с застоявшейся водой — ср.: в оз. *Лача* вода обновляется за счет 12 (!) впадающих рек. Малоубедительными представляются и приводимые Е. А. Хелимским параллели из топонимии Финляндии (*Lahola*, *Laholuoma*, *Lahovaara*), среди которых нет ни одного лимнонима. Наконец, заслуживает критики и то, что Е. А. Хелимский полагает маловероятной карельскую номинацию крупного объекта, расположенного за пределами этнической территории карелов: как можно видеть по севернорусскому субстрату, в древности «территория карелов» (не говоря уже о прибалтийских финнах в целом) далеко не совпадала с их исторической родиной.

реальную гидросистему с озерами *Лача* («Плоское») и *Кенозеро* («Кривое»), то возникает вопрос: не является ли название *Воже* третьим компонентом макросистемы, реализующим тип «Долгое»? Этому типу озеро *Воже* отвечает как по форме (см. рис. 69), так и по возможностям этимологической трактовки топоносовы: ср. саам. ин. *vuáđssi* ‘длинное узкое болото или залив’, колт. *vuäts* ‘узкое болото’ (саам. > фин. *vuotso*, *vuotsu* ‘длинное узкое болото, сырое место’) [SKES, 1825]²¹.

На наш взгляд, эту версию следует принимать во внимание не только потому, что она формально вытекает из приведенных выше микросистемных наблюдений. Не менее важно, что крупнейшие озера Русского Севера были, без сомнения, «узловыми» центрами миграций древнего населения. В этой ситуации языковая системность макролимнонимов, с одной стороны, могла способствовать различению путей миграций, а с другой стороны — формированию в сознании древнего населения целостного образа осваиваемого географического пространства.

Рис. 69. Оз. Воже
(? «Долгое»)

АРК — Республика Карелия. Общегеографический региональный атлас. М. : Изд-во ЦЭВКФ, 2002.
Березович Е. Л. Семантические микросистемы в русской топонимии : дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 1992.

Васильев В. Л. Структурно-словообразовательная типология гидронимов Русского Северо-Запада // Вopr. ономастики. 2012. № 2 (13). С. 5–17.

Вольский К. П. О названии *Кенозеро* // Вopr. ономастики. 2011. № 2 (11). С. 105–106.

Кабинина Н. В. Субстратная топонимия Архангельского Поморья / [науч. ред. А. К. Матвеев]. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2011.

Киришева Т. И. Русская топонимия финно-угорского происхождения на территории Онежского полуострова : дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2006.

КПИРС — картотека письменных источников Русского Севера (хранится на кафедре русского языка и общего языкознания Уральского федерального университета, Екатеринбург).

КСГРС — картотека Словаря говоров Русского Севера (хранится на кафедре русского языка и общего языкознания Уральского федерального университета, Екатеринбург).

Кузнецов А. В. Словарь гидронимов Вологодской области: обзор этимологий русских и финно-угорских названий рек и озер. Тотьма ; Грязовец, 2010.

КЭСК — Лыткин В. И., Гуляев Е. С. Краткий этимологический словарь коми языка. М. : Наука, 1970.

Макарова А. А. Лингвостатистический анализ русской озерной гидронимии Белозерья // Этнолингвистика. Ономастика. Этимология : материалы II Междунар. науч. конф., Екатеринбург, 8–10 сентября 2012 г. Ч. 2 / [ред. кол.: Е. Л. Березович (отв. ред.) и др.]. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2012а. С. 69–71.

Макарова А. А. Русская озерная гидронимия Белозерья: системно-функциональный аспект : дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2012б.

²¹ Разумеется, это лишь одно из рабочих предположений, пополняющее немалый арсенал гипотез, касающихся этимологии названия *Воже*. О других этимологиях этого лимнонима подробно см.: [Макарова, 2012б, 345–346].

- Мамонтова Н. Н., Муллонен И. И. Прибалтийско-финская географическая лексика Карелии. Петрозаводск : КНЦ РАН, 1991.
- Матвеев А. К. Субстратная топонимия Русского Севера : в 3 ч. Ч. 1. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2001 ; Ч. 2. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2004 ; Ч. 3. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2007.
- Муллонен И. И. Топонимия Присвирья: проблемы этноязыкового контактирования / ПетрГУ. Петрозаводск, 2002.
- Муллонен И. И. Топонимия Заонежья : словарь с историко-культурными комментариями. Петрозаводск : Карел. науч. центр РАН, 2008.
- Муллонен И. И. Топонимические исследования в Карелии. Устный доклад на семинаре кафедры русского языка и общего языкознания УрФУ 15 марта 2012 г. Екатеринбург, 2012.
- Овчар Н. В. Опыт идеографического описания озерных гидронимов Русского Севера // Номинация в ономастике. Свердловск : Изд-во Урал. ун-та, 1991. [Вопр. ономастики. 1991. № 19]. С. 60–74.
- Подвысоцкий А. О. Словарь областного архангельского наречия в его бытовом и этнографическом применении. СПб. : Тип. Имп. АН, 1885.
- Попов А. И. Веллуга. Озеро Лача // Рус. речь. 1973. № 4. С. 126–128.
- Рут М. Э. Образная ономастика в русском языке: ономастологический аспект : дис. ... д-ра филол. наук. Екатеринбург, 1994.
- Фасмер М. Этимологический словарь русского языка : в 4 т. СПб. : Азбука, 1996.
- Фомин А. А. Семантическая типология озерных гидронимов Зауралья : дис. ... канд. филол. наук. Свердловск, 1985.
- Хелимский Е. А. Северо-западная группа финно-угорских языков и ее субстратное наследие // Вопр. ономастики. 2006. № 3. С. 38–51.
- Шилов А. Л. К стратификации дорусской топонимии Карелии // Вопр. языкознания. 1999. № 6. С. 100–114.
- Шилов А. Л. О саамской топонимии севера Карелии // Вопр. ономастики. 2008. № 5. С. 49–64.
- Kalima J. Die ostseefinnischen Lehnwörter im Russischen. Helsinki : Société Finno-Ougrienne, 1919.
- KKLS — *Itkonen T. I. Koltan- ja kuolanlapin sanakirja*. Helsinki : Suomalais-Ugrilainen Seura, 1958.
- SKES — *Suomen kielen etymologinen sanakirja*. O. 1–7. Helsinki : Suomalais-Ugrilainen Seura, 1974–1981.
- SSA — *Suomen sanojen alkuperä. Etymologinen sanakirja*. 1–3. Helsinki : Suomalaisen Kirjallisuuden Seura, 1992–2000.
- Vasmer M. Beiträge zur historischen Völkerkunde Osteuropas. IV. Die ehemalige Ausbreitung der Lappen und Permian in Nordrussland // Sitzungsberichte der Preußischen Akademie der Wissenschaften. Phil.-hist. Klasse. Bd. 20. Berlin, 1936. S. 176–270.
- YS — *Lehtiranta J. Yhteissaamelainen sanasto*. Helsinki : Suomalais-Ugrilainen Seura, 1989.

Рукопись поступила в редакцию 23.05.2013 г.

N. V. Kabinina

Ural Federal University
(Ekaterinburg, Russia)

nadia.nvlad2010@yandex.ru

**POPULAR TOPONYMIC GEOMETRY
(WITH REFERENCE TO LAKE NAMES OF ARKHANGELSK REGION)**

With reference to the toponymy of Arkhangelsk region, the article analyzes lake names (limnonyms) of Russian and Finno-Ugric (substrate) origin designating lakes according to their shape. The author offers a semantic classification of those names and describes the means and mechanisms of linguistic realization of each semantic class. The article focuses considerable attention on the relations within the microsystems of lake names, which enables to verify existing etymologies of substrate toponyms as well as to suggest new etymologies for some toponymic stems which have not received a satisfying explanation as yet. Putting forward arguments for new etymologies, the author largely uses the data from topographic maps which help bring the linguistic hypotheses into correlation with the real physical and geographic characteristics of the lakes. The many-sided analysis of the material leads to conclusions about new perspectives in the study of Russian North substrate toponymy. The article also discusses the historical role of lake names in the formation of toponymic landscape, the limnonymic calquing processes that occurred in the past, the specificity of linguistic viewing of lakes by Russians and Finno-Ugric peoples and the imagery features of limnonyms of Russian and Finno-Ugric origin. The author presents a series of newly discovered Sami and Balto-Fennic ethno-differentiating toponymic stems and gives some remarks on the disputable problems of etymologization of the names of the largest Northern Russian lakes — *Kenozero*, *Lacha*, and *Vozhe*.

Key words: Russian language, Finno-Ugric languages, toponymy, substrate toponymy, lake names, onomasiology, semantic reconstruction, semantic microsystem, calquing, language contacts, Russian North.

- Berezovich, E. L. (1992). *Semanticheskie mikrosistemy v russkoi toponimii* [Semantic Microsystems in Russian Toponymy] (Unpublished doctoral dissertation). Ekaterinburg: Ural State University.
- Fomin, A. A. (1985). *Semanticheskaja tipologija ozernykh gidronimov Zaural'ia* [A Semantic Typology of Zauralye Lake Names] (Unpublished doctoral dissertation). Sverdlovsk: Ural State University.
- Helimski, E. A. (2006). Severo-zapadnaia grupa finno-ugorskikh iazykov i ee substratnoe nasledie [The Northwestern Group of Finno-Ugric Languages and Its Substrate Heritage]. *Voprosy onomastiki*, 3, 38–51.
- Itkonen, T. I. (1958). *Koltan- ja kuolanlapin sanakirja* [Skolt and Kola Sami Language Dictionary]. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura.
- Kabinina, N. V. (2011). *Substratnaia toponimii Arkhangel'skogo Pomor'ia* [Substrate Toponymy of Arkhangelsk Pomorye]. Ekaterinburg: Izd-vo Ural. un-ta.
- Kalima, J. (1919). *Die ostseefinnischen Lehnwörter im Russischen* [Balto-Fennic Loans in Russian]. Helsinki: Société Finno-Ougrienne.
- Kirisheva, T. I. (2006). *Russkaia toponimii finno-ugorskogo proiskhozhdeniia na territorii Onezhskogo poluostrova* [Russian Toponymy of Finno-Ugric Origin on the Territory of the Onega Peninsula] (Unpublished doctoral dissertation). Ekaterinburg: Ural State University.

- Kuznetsov, A. V. (2010). *Slovar' gidronimov Vologodskoi oblasti: obzor etimologii russkikh i finno-ugorskikh nazvanii rek i ozer* [A Dictionary of Hydronyms of Vologda Region. A review of Etymologies of Russian and Finno-Ugric Lake and River Names]. Totma; Gryazovets: [s. n.].
- Lehtiranta, J. (1989). *Yhteissaamelainen sanasto* [Common Sami Vocabulary]. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura.
- Lytkin, V. I., & Guliaev, E. S. (1970). *Kratkii etimologicheskii slovar' komi iazyka* [A Concise Etymological Dictionary of the Komi Language]. Moscow: Nauka.
- Makarova, A. A. (2012a). Lingvostatisticheskii analiz russkoi ozernoï gidronimii Belozer'ia [Statistical Analysis of the Russian Lake Hydronymy of Belozerye]. In E. L. Berezovich, N. V. Kabinina, M. E. Ruth, & L. A. Feoktistova (Eds.), *Etnolingvistika. Onomastika. Etimologiya* [Ethnolinguistics. Onomastics. Etymology]. (Part 2). (pp. 69–71). Ekaterinburg: Izd-vo Ural. un-ta.
- Makarova, A. A. (2012b). *Russkaia ozernaia gidronimiia Belozer'ia: sistemno-funktional'nyi aspekt* [Russian Lake Names of Belozerye: Systemic and Functional Aspects] (Unpublished doctoral dissertation). Ekaterinburg: Ural Federal University.
- Mamontova, N. N., & Mullonen, I. I. (1991). *Pribaltiisko-finskaia geograficheskaia leksika Karelii* [Balto-Fennic Geographic Vocabulary of Karelia]. Petrozavodsk: KNTs RAN.
- Matveyev, A. K. (2001–2007). *Substratnaia toponimiia Russkogo Severa* [Substrate Toponymy of the Russian North]. (Vols. 1–3). Ekaterinburg : Izd-vo Ural. un-ta.
- Mullonen, I. I. (2002). *Toponimiia Prisivir'ia: problemy etnoiazykovogo kontaktirovaniia* [Toponymy of Presvirye: Problems of Ethnic and Linguistic Contacts]. Petrozavodsk: PetrGU.
- Mullonen, I. I. (2008). *Toponimiia Zaonezh'ia: Slovar' s istoriko-kul'turnymi kommentarii* [Toponymy of Zaonezhye: A Dictionary with Historical and Cultural Commentary]. Petrozavodsk: KNTs RAN.
- Ovchar, N. V. (1991). Opyt ideograficheskogo opisaniia ozernykh gidronimov Russkogo Severa [On the Lexicographic Description of Lake Hydronyms of the Russian North]. In M. E. Ruth (Ed.), *Nominatsiya v onomastike* [Naming in Onomastics] (pp. 60–74). Sverdlovsk: Izd-vo Ural. un-ta.
- Podvysotsky, A. O. (1885). *Slovar' oblastnogo arkhangel'skogo narechiia v ego bytovom i etnograficheskom primenenii* [A Dictionary of Arkhangelsk Regional Dialect in Its Everyday and Ethnographic Use]. Saint Petersburg: Tip. Imp. AN.
- Popov, A. I. (1973). Vetluga. Ozero Lacha [Vetluga. The Lacha Lake]. *Russkaia rech'*, 4, 126–128.
- Respublika Kareliia. Obshchegeograficheskii regional'nyi atlas* [The Republic of Karelia. General Geographic Atlas of the Region]. (2002). Moscow: Izd-vo TSEVKF.
- Ruth, M. E. (1994). *Obraznaia onomastika v russkom iazyke: onomasiologicheskii aspekt* [Image-Bearing Proper Names in the Russian Language: An Onomasiological Aspect] (Unpublished habilitation dissertation). Ekaterinburg: Ural State University.
- Shilov, A. L. (1999). K stratifikatsii dorusskoi toponimii Karelii [On the Stratification of Pre-Russian Toponymy of Karelia]. *Voprosy jazykoznanija*, 6, 100–114.
- Shilov, A. L. (2008). O saamskoi toponimii severa Karelii [On Sami Toponymy of North Karelia]. *Voprosy onomastiki*, 5, 49–64.
- Suomen kielen etymologinen sanakirja* [An Etymological Dictionary of the Finnish Language]. (1974–1981). (Vols. 1–7). Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura.
- Suomen sanojen alkuperä. Etymologinen sanakirja* [The Origin of Finnish Words. An Etymological Dictionary]. (1992–2000). (Vols. 1–3). Helsinki: Suomalaisen Kirjallisuuden Seura.
- Vasilyev, V. L. (2012). Strukturno-slovoobrazovatel'naia tipologiya gidronimov Russkogo Severo-Zapada [Structural and Derivational Typology of Russian Northwestern Hydronyms]. *Voprosy onomastiki*, 2(13), 5–17.
- Vasmer, M. (1936). Beiträge zur historischen Völkerkunde Osteuropas. IV. Die ehemalige Ausbreitung der Lappen und Permien in Nordrussland [A Contribution to the History of Eastern European Peoples. IV. The Perm and Lapp Population's Expansion in the Russian North in the Past]. *Sitzungsberichte der Preußischen Akademie der Wissenschaften. Phil.-hist. Klasse*, 20, 176–270.
- Vasmer, M. (1996). *Etimologicheskii slovar' russkogo iazyka* [The Etymological Dictionary of the Russian Language] (Vols. 1–4). Saint Petersburg: Azbuka.
- Volskiy, K. P. O nazvanii Kenozero [On the Kenozero Hydronym]. *Voprosy onomastiki*, 2(11), 105–106.